

Л. КОТОМКА*

Третье поручение**

Приближалась ночь с 26 на 27 октября. В дни восстания спать почти не приходилось. И вот я снова около М. С. Ольминского. Беседуем об искусстве восстания.

— Из какого теста лепятся оппортунисты? — спрашиваю я. Мне хочется социально осмыслить явление. — Кто они, предатели по природе или жертвы неправильной теории?

В самый разгар горячей беседы подходит Емельян Ярославский. Строгий, суровый, выдержанный. В его усах прячется улыбка.

— Надо поехать в Петроград, — говорит он мне. Я вспыхиваю. Захватило дыхание. Такое поручение, о котором и не мечталось!

— Нет связи, — поясняет Емельян Ярославский. — Есть телефон, по которому можно говорить с Москвой, а Смольный этого не знает. И надо информировать петроградцев о московских делах.

«Смольный!» — как молния проносится в голове.

Софья Николаевна Смидович вручает мне железнодорожный билет и мандат от Московского Военно-революционного комитета. Улыбается. Она рада, как и я, что мы в гуще событий, вместе с другими товарищами участвуем в общем революционном деле. Но радость радостью, а дело делом.

— В Петрограде восстание началось. Но чем кончилось, неизвестно. Будьте осторожны. Подъезжая к вокзалу, смотрите, кто на перроне. Если матросы, — наша взяла! Из левого кармана вынимайте мандат Военно-революционного комитета. Если юнкера — вытаскивайте билет железнодорожника.

Все ясно. Остальное в моих руках, в моей выдержке и находчивости. Молча жму руку. Ухожу.

Вокзал Николаевской (теперь Октябрьской) железной дороги. Бывший царский павильон. Восьмого октября здесь происходила общегородская конференция Союза молодежи, раздавались страстные революционные речи. Как мало прошло времени, как много произошло событий! Тут теперь штаб Военно-революционного комитета Николаевской железной дороги. Вооруженная молодежь...

* *Леонтий Котомка* (Желткевич, Ирина Зеленая и др.; 1890–1965) — псевдоним Владимира Иосифовича Зеленского, поэта-социал-демократа, организатора большевистского союза молодежи, печатавшегося в газете «Правда» и выпускавшего в 1918 г. сатирический журнал «Соловей» (впоследствии — сотрудника Известий и Гослита).

** Юность. 1957. № 10. С. 46–47.

Поезд отрывается от платформы и медленно двигается, оставляя позади пригороды Москвы. В моем вагоне ни души. В соседних вагонах по два, по три человека. И в Москве, и в Петрограде неспокойно.

Петроград для меня — это размах революционной деятельности, это беззаветная страсть революционной молодежи, демонстрации на Невском проспекте, у Аничкова дворца, на Литейном, на Знаменской площади, сходки, тайные собрания, прокламации, «Правда». Волнующие воспоминания.

Ведь в Петрограде (Петербурге) прошли лучшие годы моей юности. Тут развернулась моя партийная работа.

Вспоминается более далекое прошлое. Камышин, Саратовской губернии. Реальное училище. Живу в доме у вдовы Татьяны Семеновны Нагорновой. Невзрачная улица. Дворы тянутся около оврага. В 1904 году сын Нагорновой, Александр Тихонович, вступает в партию. У Нагорнова — штаб-квартира большевиков. В небольшом городке, как и всюду, формировались высокоидейные и глубоко убежденные борцы за свободу. Приходит революция 1905 года. Нагорнов во главе организации. Лучшая молодежь города высоко ценит его. Если кому-нибудь из молодых революционеров говорят: «Ты прямо как Нагорнов», — он сияет. Это высшая похвала. Из его речей, из бесед в нелегальных кружках я узнал о Марксе, познакомился с учением Ленина. Нагорнов создает нелегальный кружок, где идет подготовка партийных организаторов и пропагандистов. Я вхожу в этот кружок и вскоре получаю от Нагорнова первые партийные поручения. В октябре 1906 года здесь я вступаю в партию.

...Поезд осторожно входил под вокзальные своды. Выхожу на площадку, отворяю дверь. На перроне — кронштадтские моряки. Молниеносно растекаются по перрону, сосредоточиваются у дверей, встречая пассажиров.

Мандат мой производит сильное впечатление. Меня расспрашивают о Москве. Наперебой сообщают:

— Мы победили!

Непередаваемое волнение охватило меня, когда на Знаменской площади на заборе я увидел объявление о новом правительстве, именуемом «Совет Народных Комиссаров». Читал, перечитывал: председатель Владимир Ульянов (Ленин).

Рядом наклеено воззвание кадетов с кричащим заголовком: «Не подчиняйтесь узурпаторам!»

Слово «узурпатор» не было понятно балтийцам, с которыми я шел. Я объяснил им.

Хочется пройтись по Невскому, вспомнить демонстрации, схватки с полицией. Но Невский проспект длинный, времени мало, каждая минута дорога. Скорее в Смольный!

Подымаюсь по лестницам. На третьем этаже около какой-то двери остановка. Проводники у меня уже другие!

— Входите, — приглашает меня балтиец.

Вхожу. За круглым столом у карты Петрограда сгрудились руководители восстания. Некоторые стоят.

— Товарищи, оставим все, выслушаем товарища из Москвы, — порывисто вставая из-за стола, говорит один из; присутствующих. Воля, энергия в его словах и движениях.

Сразу понял: это не кто иной — он, Ленин. Как ни думалось, что может быть такая встреча, — все же она была неожиданной и воспламенила сердце.

Дружеским жестом Ленин показал на стул.

Не очень складно я начал говорить о Москве. Но, заметив глубокий интерес Ленина к этой информации, ободренный его простотой и теплотой в обращении, я почувствовал себя хорошо и незаметно увлекся рассказом о московских событиях. В памяти навсегда запечатлелась порывистость Ленина, быстрая смена в выражении лица, глаз: то промелькнет усмешка, то загорятся, то потемнеют глаза — в зависимости от услышанного.

Я бросил взгляд на окружающих. Заметил Николая Ильича Подвойского — с ним я встречался в 1915 году в Петрограде по поводу намечавшегося издания журнала «Просвещение». Запомнил лица. Потом догадался по портретам, что это Свердлов, Дзержинский, Бубнов. А мысль рвалась к Ленину. Так вот он какой! Простой и ясный, и речь простая и увлекающая! Невольно оглянулся на него, встретил смеющиеся глаза.

— Все сказали? Может быть, еще что-нибудь необходимо сообщить?

Глаза пытливые, понимающие, большой лоб, поза выжидающая.

— Мало у нас в Москве командиров, офицеров... — смущенно сказал я.

— Рабочие и солдаты с нами! Это решает все!

Глаза Ленина, сосредоточенные, серьезно поблескивали, это придавало словам силу и вес.

— Немедленно надо ехать в Москву. Дадим вам декреты о земле и мире. Печатайте их, размножайте, распространяйте по всей стране. В них наша сила.

Владимир Ильич быстро вынимает часы, смотрит на циферблат. Потом дает распоряжение балтийцу об отправке меня в Москву с декретами Советского правительства и, наклонившись, что-то еще говорит.

Вспыхиваю от слов «желаю успеха», от протянутой руки и крепкого пожатия.

И вот я мчусь по коридору за балтийцем, стараясь не потеряться среди неугомонного людского движения. Вдруг: «Стоп!» Налетает на меня какой-то представитель, петроградской прессы.

— Это вы, товарищ, из Москвы?

— Я.

Замечаю небольшой стол, чернильницу, ручку, листы бумаги.

— Напишите о событиях в Москве. Оставьте здесь. На обратном пути захвачу, — кидает он, ныряя в поток людей, льющийся в разные стороны.

Балтиец смеется: «Некогда заниматься писаниной. Пошли!»

Смольный словно многоэтажный город. Все торопятся, все обеспокоены.

Взглядываю на балтийца: куда он меня ведет?

— Владимир Ильич сказал, чтоб вас накормить. А потом на вокзал.